

К. Б. Соколов¹,
Ю. В. Осокин²

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Каждый этнос зарождается и формируется на вполне определенной территории с определенным климатом и специфическим ландшафтом. Особенности природы во многом определяют пути развития данного этноса — от способа производства до национального характера. Природно-климатическое своеобразие «колыбели» народа вращает в его национальную культуру, накладывает неизгладимую печать на специфику его картины мира.

Вторым мощным фактором, формирующим картину мира, является религия, определяющая как основные этические нормы, так и систему взаимоотношений внутри и вне этнической общности. Особенности религии в значительной мере определяют развитие национальной культуры, стимулируют или ограничивают развитие отдельных жанров искусства. С национальной религией во многом связаны некоторые черты национального характера и этнического сознания нации.

Важнейшей основой жизнедеятельности и развития этноса является его язык, содержащий в свернутом виде всю историю народа, его культуру, систему ценностей и картину мира.

Природное окружение, религия и язык вместе порождают этническую психологию, определяющую образ мышления, поведение и поступки, образ жизни членов соответствующей этнической общности, то есть картину мира. Родители транслируют ее последующим поколениям, а общество поддерживает ее системой социально-этических санкций. Этническая картина мира позволяет «этнофору» (ее носителю) в любой момент жизни дать ответ на важный вопрос: «Кто мы есть?». Люди определяют себя, используя такие понятия, как «происхождение», «религия», «язык», «история», «ценности», «обычай» и «общественные институты». С помощью этнической картины мира люди идентифицируют себя с культурными группами — племенами, религиозными общинами, нациями и — на самом широком уровне — цивилизациями.

Глобализация культуры делает особенно актуальным изучение особенностей межкультурного взаимодействия. Исследователи в связи с этим вводят понятие

кривой процесса адаптации, в соответствии с которой выделяют пять этапов этого процесса³. Первый этап, называемый «медовым месяцем», характеризуется энтузиазмом, приподнятым настроением и большими надеждами. Но этот этап быстро проходит, а на втором этапе адаптации непривычная инокультурная информация начинает оказывать негативное воздействие, что приводит к разочарованию, фрустрации и депрессии. В этот период человек пытается убежать от реальности. На третьем этапе симптомы культурного шока могут достигать критической точки. Но всегда существуют люди, способные успешно осваивать язык новой культуры. И тогда для них на четвертом этапе депрессия сменяется оптимизмом, ощущением уверенности и удовлетворения. И в этом случае наступает пятый, завершающий этап, который характеризуется относительно стабильными изменениями картины мира людей в ответ на требования изменившейся культурной среды.

Эти пять этапов культурной адаптации формируют U-образную кривую — хорошо—хуже—плохо—лучше—хорошо. Однако далеко не все люди способны пройти этот путь. Некоторые уже на его ранних этапах начинают защищаться от потока новой информации и закрепляются на промежуточных стадиях.

Психологами накоплены свидетельства о значительных различиях в межкультурной адаптации у разных людей — она может занимать от нескольких месяцев до 4–5 лет. Особенно сильно влияет на этот процесс возраст. Быстро и успешно адаптируются маленькие дети, но уже для школьников этот процесс часто бывает мучительным. Очень тяжелым испытанием оказывается изменение культурной среды для пожилых людей.

Глобализация культуры, порождающая мощные кросс-культурные потоки информации, сильнее всего воздействует на подростковый и молодежный менталитет. Потому что картина мира старшего поколения более консервативна, более устойчива к инокультурным воздействиям. В результате возникает и быстро расширяется пропасть между картинами мира поколений: менталитет подростков и молодежи все больше и разительнее отличается от традиционного менталитета родителей. Конфликты между поколениями бывали всегда. Это закономерность социального развития. Однако сегодня изменение социокультурных условий получило невиданную доселе динамику. То, для чего раньше были нужны десятилетия, сегодня совершается за считанные годы. В результате смена поколений в наши дни происходит не только в диапазоне «отцы и дети», но даже и между смежными поколениями «детей». Так что глобализация культуры предопределяет рост конфликтов не только между

¹ Заведующий сектором социологии искусства Государственного института искусствознания, доктор философских наук. Автор ряда публикаций, в т. ч. монографий: «Введение в социологию искусства» (в соавт.), «Десять веков российской ментальности: культура и власть» (в соавт.), «Культурная политика России. Теория и история» (в соавт.), «Российская художественная интеллигенция XVIII — начала XX в.: картина мира и повседневность» и др.

² Главный научный сотрудник Государственного института искусствознания, доктор философских наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Ментальность и искусство», «Введение в теорию системных исследований искусства», «Художественная жизнь современного общества», «Введение в социологию искусства» (учеб. пособие) и др.; статей «Эстетическое как социальный феномен», «Эстетическое воспитание на современном этапе: теория, методология, практика» (в соавт.) и др.

³ Triandis H. C. Culture and social behaviour / ed. by McGraw-Hill. N. Y., 1994.

родителями и детьми, но и между детскими и молодежными субкультурами.

Восприятие феноменов новой культуры зависит от так называемой культурной дистанции: чем больше новая культура похожа на родную, тем менее травмирующим оказывается процесс адаптации. Исследователи даже ввели «индекс культурной дистанции», который включает язык, религию, структуру семьи, уровень образования, материальный комфорт, климат, пищу, одежду и др.¹ С его помощью установлено, что менее успешно в новых культурных условиях адаптируются представители традиционных и ритуализированных культур — корейцы, японцы, жители стран Юго-Восточной Азии.

Взаимодействие с чужой культурой, рассуждая теоретически, может иметь четыре результата:

— интеграция, когда каждая из взаимодействующих групп сохраняет свою культуру, но одновременно устанавливает тесные межкультурные контакты;

— ассимиляция, когда группа теряет свою культуру;

— сепаратизм, когда группа, сохраняя свою культуру, отказывается от контактов с инокультурными группами;

— маргинализация, когда группа теряет свою культуру, при этом не установив тесных контактов с другой культурой².

В последнем случае человек превращается в своего рода «промежуточную личность» — маргинала, который теряет свою систему нравственно-этических координат, не обретая взамен другой полноценной системы. Этот деструктивный и весьма опасный для общества процесс может происходить под воздействием слишком мощного потока инноваций, неорганичных для данной национальной культуры. И тогда человек теряет связь с национальной культурой и историей, на место традиционной культурной оболочки заступают инстинкты, и прежде всего инстинкт выживания вместе с инстинктами разрушения, агрессии, острым желанием «отомстить» за свои неудачи. Источником маргинализации сегодня становятся глобальные культурные процессы, приводящие к нарастающему ослаблению связей личности со своей этнической средой, способной снабжать ее ясной картиной мира, а значит, системой норм, ценностей и стандартов поведения.

Глобализация культуры, ведущая к ее унификации, несет в себе риски не только для отдельно взятой личности, но и для общества в целом. Дело в том, что этнокультурное разнообразие в современном мире выполняет много жизненно важных функций. Но наиболее общая ее задача — преодоление социальной энтропии, предотвращение социокультурной однородности. В связи с этим исследователь отмечает, что «широко распространенное на Западе представление, что культурное разнообразие — некий исторический курьез, который быстро исчезает в результате экспансии все-

общей, ориентированной на Запад, англофонной мировой культуры <...> является попросту неверным»³.

Системный подход убедительно подтверждает этот вывод. Действительно, давно уже установлено, что жизнеспособность сложных эволюционирующих систем зависит от их внутренней дифференцированности, своеобразия и богатства, заключенного в составляющих их элементах потенциала жизнеобеспечения. Один из основателей теории информации У. Р. Эшби назвал этот вывод «законом необходимого разнообразия», в соответствии с которым для своего выживания система может противопоставить разнообразию внешних воздействий только разнообразие своих реакций на эти воздействия, которое зависит от ее внутренней дифференцированности. Эту закономерность подтверждает и история. Известно, что чем примитивнее внутренняя структура общества, тем меньше у него шансов выжить. Для того чтобы быть устойчивым по отношению к социальным катаклизмам, потрясениям, внешнему давлению, общество должно иметь достаточно сложную структуру.

Резонно в таком случае допустить, что социально неоднородный, асимметричный, противоречивый мир — это мир нормальный и жизнеспособный. Следовательно, минувшие тысячелетия, на протяжении которых возникали и уходили в небытие страны, народы, государства и цивилизации, — не «предыстория» к гипотетической вселенской идиллии, а самая что ни на есть подлинная история человечества. А внутренняя разнородность — формационная, цивилизационная, культурная, этническая — нынешнего мира, обретающего признаки целостной замкнутой системы, это не беда, но благо, которым надо уметь грамотно распорядиться. А для этого нужно налаживать адекватные связи между элементами этой системы — странами, блоками, союзами и тому подобным, между цивилизациями, культурами, этносами. Именно многообразие современного мира придает ему устойчивость, делает его внутренне единым⁴.

Социальная история свидетельствует, что разные этносы ориентируются на разные подходы к решению возникающих перед ними проблем. Так, в одной культуре может доминировать страсть к деньгам, в другой — технические знания, в третьей — политические идеалы, в четвертой — вера в бессмертие. Вместе с тем в любой культуре следует проводить различие между характером и умом, духом и знанием. Ум и знание приобретаются в процессе жизненной практики, а характер и дух коренятся в самой сущности народа. Характер народа воплощается в традиции, которая составляет социокультурную и национально-историческую субстанцию человеческого бытия. Качества характера могут укрепляться, обогащаться и оттачиваться жизненной практикой, но не могут передаваться, в отличие от открытий ума и знаний, от одного народа к другому. Многое из того, что создается умом, например техника, по своей сути имеет универсальный характер. Ее применение не знает национальных или иных политико-

¹ См.: Лебедева Н. М. Социально-психологические проблемы аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 104–115.

² Berry J. W. Immigration, acculturation and adaptation // Applied psychology : An international revue. 1997. Vol. 46 (1).

³ Howard M. America and the World. The Annual Lewin Lecture, 5 April 1984. St. Louis : Washington University, 1984. P. 6.

⁴ Баталов Э. Я. Единство в многообразии — принцип живого мира // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 22.

географических границ. Но судьбу народа в конечном счете определяет не столько ум, сколько его характер. И в этом смысле консервативные, трудноизменяемые культурные традиции — важнейший антиэнтропийный фактор в глобализационных процессах.

Вполне возможно, что различаются и естественные способности народов. «Можно смело сказать, — пишет Э. Геллнер, — что различные народности часто наделены от природы различными способностями. Утверждать, что все таланты распределены среди человечества поровну, — это все равно что представить себе землю совершенно плоской»¹. А потому для адекватного взаимодействия с миром человечеству необходима вся совокупность взаимодополняющих подходов. И чем эта совокупность разнообразнее, тем более успешно человечество будет отвечать на вызовы среды своего обитания. Это относится и к государственному устройству, выбираемому этносам. Ни один общественный строй в отдельности — «прогрессивный» или «реакционный», «левый» или «правый», «патриотический» или «космополитический», «сепаратистский» или «централистский» и так далее — не выражает интересов всего человеческого общества. Это подходы взаимодополняющие, которые могут решать задачу оптимизации человеческого развития только путем компромисса. Как только один из них — все равно какой — возобладает абсолютно, он ликвидирует естественные плюралистические структуры человеческого сообщества, чем снижает его жизнеспособность и потому становится по существу антисоциальным². Никто не в состоянии предсказать ход истории, никто не знает, какие способности и качества понадобятся человечеству для выживания в будущем — близком и отдаленном. Следовательно, оно должно иметь в запасе богатый арсенал свойств, каждое из которых может потребоваться для адекватного ответа на вызовы истории — социальной и естественной.

Лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц писал об этом: «Именно разнообразие культур имело решающее значение для высшего развития человечества. Оно привело к тому, что различные культуры вступали в соревнование друг с другом в различных областях и с различными средствами. Они ели разную пищу, пользовались разными орудиями и сражались разным оружием. Эта форма соревнования культур, преобладавшая в прежние времена, была одним из важнейших факторов, выработывавших у людей интеллект, подвижность ума, изобретательность и т. п. В высшей степени вероятно, что уже в раннюю эпоху такие факторы имели решающее значение для быстрого увеличения большого головного мозга...»³

Ныне же в процессе глобализации «границы между культурами размываются и исчезают, этнические группы во всем мире стремятся слиться в единую общечеловеческую культуру. Этот процесс на первый взгляд может показаться желательным, поскольку он способствует уменьшению взаимной ненависти наций. Но наряду с этим уравнивание всех народов имеет и другое, уничтожающее действие: если все люди всех культур

сражаются одним и тем же оружием, конкурируют друг с другом с помощью одной и той же техники и пытаются перехитрить друг друга на одной и той же мировой бирже, то межкультурный отбор теряет свое творческое действие»⁴.

В свое время философ К. Леонтьев, создавая оригинальную теорию циклического развития, ввел в науку поэтический термин «цветущая сложность», которая, по его словам, есть «вершина развития — воплощает как раз торжество насыщенного разнообразием единства, основанного на той или иной общей внутренней идее. В цветущем государстве — это многосословность, социальная многослойность, многокорпоративность, многоукладность, даже разноплеменность, “разнохарактерность областей”, сложная “бытовая узорность”, пестрота нравов, вкусов, обычаев, разнообразная самобытность всякого местного творчества»⁵. Как утверждал другой философ — Вл. Соловьев, разные национальности «должны существовать и развиваться в своих особенностях, как живые органы человечества, без которых его единство было бы пустым и мертвенным, и этот мертвый мир был бы хуже войны. Истинное единство и желанный мир человечества должны основываться не на слабости и подавленности народов, а на высшем развитии их сил, на свободном взаимодействии восполняющих друг друга народностей»⁶.

И, наконец, еще одна цитата: «Все культуры формируют часть общего единого наследия человечества. Пренебрежение культурой или разрушение культуры какой-либо группы населения Земли — это потеря для всего человечества». Это слова из Декларации о международной культурной политике. Но, как известно, множество народов исчезло, оставив лишь туманный след в культуре своих более долговечных соседей. Перестали существовать протославяне — вятичи, кривичи, дреговичи, поляне, но возникли русские, украинцы, белорусы. Все живые современные культуры исторически менялись, вбирая в себя элементы иных культур. Поэтому пытаться противодействовать подобным влияниям — занятие бессмысленное, обрекающее культуру на неизбежную деградацию.

Тем не менее, как уже отмечалось, нужно заботиться о том, чтобы культурное взаимодействие не приводило к усреднению культур, то есть к разрушению специфической этнической картины мира. Конечно, для грядущих поколений распад старой картины мира, ее модернизация, приспособление к вновь открывшимся реалиям может оказаться не только благом, но и условием выживания. Но если ситуацию рассматривать с точки зрения современников, живущих с детьми и родителями в эпицентрах социальных и этнических катаклизмов, то для них такая радикальная смена картины мира может стать настоящей катастрофой. Вот почему отказ государства от поддержания национальной картины мира — это политика, ставящая под угрозу ядро национальной культуры, а следовательно, и культуру в целом.

⁴ Лоренц К. Указ. соч.

⁵ Глушкова Т. «Боюсь, как бы история не оправдала меня...» // Леонтьев К. Цветущая сложность. М., 1992. С. 20–21.

⁶ Соловьев Вл. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев Вл. Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 473.

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 151.

² Жерихин В. Искажение мира // Нева. 1991. № 8. С. 152.

³ Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 415–416.